

В мастерской
художника

Симфония красок

В искусстве оценка «понравилось — не понравилось» считается обывательской, примитивной. Должны существовать четкие критерии художественности. И, наверное, существуют. Но это у искусствоведов. Я, например, много лет не знала, чем так привлекают меня к себе картины Ивана Лебедева. Совсем недавно стояла в одном из выставочных залов городского музея изобразительных искусств и не могла оторваться от зимнего простенького пейзажа — одинокая дачка, огород, все в снегу. Эти непритязательные сюжеты с березками, елями и бревенчатыми избами сами по себе дороги сердцу русского человека. Но притягивал даже не сюжет, а какая-то звенящая легкость то ли в линиях, то ли в подборе красок.

В голове выстраивались в ряд картины Лебедева — белые каллы, виденные мною в музее еще тогда, когда он находился на просп. Металлургов, и даже помню стену, которую украшал натюрморт; «Сергея на стуле», тоненький мальчик в белой майке, задумчиво обхвативший коленку, — картина тех же 70-х лет. И вот сейчас эта дача в снегу. Из личного интереса, не имея событийного повода для репортажа, как надо бы по журналистским канонам, я пошла в мастерскую известного кузбасского художника Ивана Александровича Лебедева. Но, видимо, есть Бог, пославший мне замечательный повод, — у Ивана Александровича в сентябре юбилей, ему исполнится 60 лет, в этом же сентябре в выставочном зале Дома творческих союзов откроется его персональная выставка.

— Это моя великая жена, —

представил нам Галину Антоновну Иван Александрович.

— Великая жена великого мужа, — подхватили мы шутку.

Событий в семье Лебедевых не занимать. Накануне была свадьба сына, того самого «Сергея на стуле». Кстати, со стен мастерской смотрели Сережа за фортепиано, Сережа с кошкой, Сережа в жаркий летний день — казалось, не только уши, но все тело мальчика пронизано солнечными лучами. Сергей закончил СМИ, но к технике остался холоден. Две недели назад отец с сыном вернулись из Тверской области с академической дачи художников, основанной Репиным, где за мольбертами сидели рядом отец и сын. Отец привез полсотни пейзажей и сын около тридцати.

И, конечно, первое, с чего мы начали, стали сравнивать работы отца и сына, тем более что писали они часто одновременно один и тот же мотив. Разница была не только в мастерстве одного и неопытности другого. Да эта разница и не слишком-то чувствовалась, некоторые картинки, по мнению Ивана Александровича, Сергею удались больше. Разница была, мне кажется, во взгляде на мир. Живопись старшего Лебедева более жизнерадостна, кисть сына более напряженна и драматична. Может, поколение другое, а может, молодость — то время, когда мир кажется более мрачным, чем он есть. И мать, и отец вглядывались в произведения сына и соглашались, точнее, допускали мои выводы. Сергей присутствовал только на портретах да в своих картинах, он, возможно, и удивился бы такому восприятию его работ.

— Я прямо влюбился в Торжок. Я помешался на церквях, — призна-

вался Иван Александрович, доставая один пейзаж за другим.

А мне все хотелось понять, чем достигает он этой звенящей чистоты и радости в своих пейзажах, натюрмортах и даже портретах.

И поняла: тончайшими оттенками белого цвета, освежающими синезеленую гамму. Поэтому так хороши снег и каллы. Но и вода у него удивительно живая, даже если она в кувшине или в стакане, а что уж говорить о изменчивых реках.

— В течение нескольких часов, которые пишешь, натура меняется. Природа живая, — говорит Иван Александрович.

Есть особое удовольствие от созерцания картин не в музее, а в мастерской: многие еще без рам и подрамников. Картины в музеях кажутся уже независимыми от художника, а здесь, в мастерской, они словно не отделены от его души, словно связаны пуповиной.

— Неужели вам не жалко продавать картины, расстаетесь же с ними? — спрашиваю Лебедева.

— А жить на что? — резонно отвечает он.

Картины Лебедева дорогие, не каждый может купить, но, во-первых, произведения искусства должны высоко цениться, как ценятся они в цивилизованных странах, а во-вторых, как объясняет Иван Александрович, квадратный метр холста стоит сто рублей, маленький тюбик красок — восемь. Вот и займись творчеством.

Спрашиваю Ивана Александровича, что он больше любит писать: портреты, натюрморты, пейзажи.

— Я, — говорит он, — живопись люблю, а какого-то одного пристрастия у меня нет. Людей люблю. Одно время меня даже считали порт-

ретистом. Портреты труднее и интереснее. Человек переменчив.

На стенах мастерской произведения разных лет. «Грибы» на листе «Кузнецкого рабочего» 1970 г. и газета, словно вычурно изогнутая большая тарелка. Выразительный натюрморт «Подсолнухи» 1965 года. Созревшие шляпки лежат на кусках ткани.

— С этой картиной я погорел на выставочном. Меня даже к выставке не допустили. Кемеровский художник Берг подошел тогда ко мне и интеллигентно так извинился: «Не знаю, как сказать вам, что подсолнухи отвергли». Картину признали формалистической.

Потом мы в маленькой комнатке пили кофе, и перед моими глазами была странная картина — в беспорядке друг на друга наложенные мазки, желтые, красные, коричневые. Мне не близка абстрактная живопись, но эти не картины даже (их несколько) — художник смазывает на кусок холста или картона остатки красок с палитры, смазывает тоненькой лопаточкой (мастихин называется), не думая, куда поведет его подсознание) так вот, эти симфонии красок странным образом волновали, вызвали цепь самых далеких ассоциаций и фантазий.

Эти «симфонии», видя в них какой-то, тайный, подсознательный смысл, любит Иван Александрович. Он считает, что это написано сердцем. Но и многие его картины написаны с сердечной страстью, с сердечной радостью от возможности видеть мир в красках и передать их на холсте.

Т. ТЮРИНА.
Фото А. САНАРОВА.